

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

Л.В. Жаров, Е.О. Тищенко*Ростовский государственный**медицинский университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

lars1942@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПОЛОГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА****[Leonid V. Zharov, Ekaterina O. Tischenko****Problems of sex and gender identity in modern Russian society]**

It is considered key issues of personal sex and gender identity both in the historical and applied aspects to realities of the modern Russian society due to crisis processes in its development. Special attention is given to queer identity and models of its formation, contradictions and paradoxes of its generation in the consciousness of either an individual or the society. The images of Androgyne, Savior, Orient Sage, Superman, Post-man and other cultural-historic images of identity are studied. The problematic situation of sex and gender identity ambiguity in the Russian society and the corresponding phobic sentiments are noted. The reasons and possible ways out are analyzed.

Key words: identity, sex and gender, androgyny.

Проблема идентичностей человека чрезвычайно многолика и имеет разные измерения, но несомненно одно – она стала одной из самых болевых точек современной философской мысли, причем практически во всех ее модификациях и цивилизованных моделях. Это действительно знамение конца XX и начала XXI вв., поскольку раньше она была лишь одной из граней философской антропологии. Вопросы «кто я» и «кто мы» стали не просто смысложизненными, но и определяющими стратегию и тактику выживания каждого человека и человечества, вступившего в эпоху глобального кризиса и сплошной цифровизации. Угроза потери личностной идентичности, превращение в «цифру» стала вполне реальной.

Среди разных типов идентичностей особое внимание привлекает половой и гендерный облики, что вызывает острейшие идеологические и политические дискуссии, напрямую связывается с устойчивостью и перспективами развития каждой цивилизации, их конкурентоспособностью. Выбор оказывается невелик – или мы сохраняем традиции пола, гендера, брака и семьи патриархальных обществ и соответствующих идентичностей, или ломаем все рамки и границы в духе постчеловечества и трансгуманизма и обретаем нечто новое – некую суперидентичность, которая будет настолько изменчива, что будет свободно твориться каждым человеком по ситуации, прихоти и капризу, без оглядки на социальные нормы и нравственные императивы. Между простым воспроизводством общепринятых моделей и абсолютным творчеством идентичностей лежит, как известно, область «золотой середины», которую усиленно рекомендовали для жизни великие мыслители, особенно Аристотель. Правда, последний констатировал, что когда речь идет об удовольствии, получаемом от любовных утех, то «... предаваясь им, никто, пожалуй, не способен что-нибудь понять умом» [1, с. 212]. Эта мысль на века определила трудности с половой и гендерной идентичностью, особенно в нашу эпоху, когда геновая инженерия дает возможность сконструировать практически все соматические и половые детерминанты поведения человека, давая тем невиданные ранее возможности для непредсказуемого разгула страстей.

Если в античности страсти «отбивали» разум даже у мудрецов, не говоря уже об обычных людях с их в основном стандартной идентичностью, то современность с ее потенциальной возможностью менять все и во всем в сексуальном поведении и самоидентичности порождает смесь страха и восторга, экстаза и тревоги. Упомянутые идеологические и политические битвы на этом поле порождают в свою очередь глобальную, цивилизационную обеспокоенность. Либо постчеловек должен стать управляемым гибридом с помощью чипов, имплантов и биопротезов, что означает появление нового вида, суперсапиенса, либо страсти преодолеют любую степень контроля, что приведет к самоуничтожению уже «бывшего» человечества. Либо генно-модифицированные «сверхлюди» (по С. Хокингу), либо «сверхзвери» (еще по Ницше) преодолеют нынешние типы идентичности, у них уже не будет ни пола, ни гендера в нынешнем понимании, ни социальных и морально-религи-

озных императивов поведения. Эти прогнозы уже не порождение утопического сознания, а вполне реальные сценарии обозримого будущего человечества, требующие философского анализа.

Попробуем обозначить причины этой тотальной обеспокоенности определенностью своей половой и гендерной принадлежности и самоидентичности, выражающейся в вечном как мир вопросе « нормален ли я?». Это подразумевает поиск критериев нормы, которые значительно меняются на протяжении веков и темпы их изменений сейчас значительно ускорились. В первую очередь это относится к западной цивилизации, которая в основном и продуцирует новации в этой сфере, вызывающие неприятие и шок у представителей других цивилизационных сообществ. Становится очевидно, что ранее общепринятые понятия нормы, меры, гармонии, идеала и их эквиваленты не только сугубо историчны и релятивны, но и обретают совершенно новые смыслы в современности, особенно в постмодернистском дискурсе, который также быстро уходит в историю. Если раньше человека не особенно заботила его идентичность за исключением грубых отклонений от статистической и функциональной нормы своего времени, то нынешние поколения молодых все более склоняются к идее не следования общепринятому идеалу нормы, а его творению для себя и ближайшего окружения. Статистическая норма все более и более обретает абсурдный характер «средней температуры по больнице», функциональная норма все более обеспечивается имплантами и протезами, а идеал становится поистине «хрупким» продуктом для ежедневного пользования.

Возникают непростые и отнюдь не риторические вопросы – с кем и с чем может и должен себя идентифицировать наш современник, живущий в разных цивилизационных организмах, с разным соотношением традиций и новаций взаимоотношений полов и гендеров? Есть ли некий общечеловеческий идеал мужского и женского, мужественности и женственности, их всевозможных сочетаний и сплавов и каковы закономерности его эволюции в разных обществах? Есть ли нечто неизменное и вечное, данное Богом или Космосом во взаимоотношениях полов, в деторождении, в воспитании и социализации, что нуждается лишь в поддержке и защите от «тлетворных влияний» современности? Что избрать для идентичности – конструкцию префигуративности, конфигуративности или постфигуратив-

ности по Маргарет Мид, которая, как известно, была сама ярким представителем нетрадиционной сексуальной ориентации? Каковы экзистенциальные корни и истоки бурных и иррациональных проявлений феномена квинфобии и гомофобии в современном мире? Какова специфика всех этих проблем и способов их решения в нынешней российской действительности с учетом ее цивилизационной идентичности?

Количество вопросов можно было бы умножить, но надо обозначить некоторые способы их решения и основные модели, культурно-исторические типы, как уходящие корнями в седую старину, так и продукты современной цивилизации. Исторически первой, видимо, возникла идея первично нерасчлененной общности, заключающей и мужское и женское начало в едином сплаве, который затем распался на два пола, жаждущие теперь воссоединения утраченной целостности. Это идея Андрогина, пронизавшая собой практически все древние культуры и цивилизации, и обретшая ныне «второе дыхание». В монотеистических религиях она подверглась резкой критике, что навеки закрепило дихотомию мужского и женского как в этом мире, так и в жизни будущего века, правда, в бесстрастной форме. Андрогина сменил образ Спасителя в западной культуре и потенциального облика спасенного, где не будет уже «скорбей по плоти», замененных вечным блаженством единения с Творцом. На востоке Андрогин обретал образ даосского мудреца, вмещающего в себя и мужское и женское начало на основе природно-родовой двуполости, или безликого Брахмана и Атмана в разных школах индуизма, порождающих Пуруму и Пракрити. Задачей человечества было проникнуться этими образами, приобретая тем самым гармонию мужского и женского начал, здоровье и даже бессмертие. Далее, исторически нужно отметить образ Андрогина, модифицированный в прозрениях Я. Беме и Ф. Баадера, пытавшихся уяснить божественную андрогинность вкупе с алхимическими выкладками.

Новое время дало одновременно вечную загадку «сверхчеловека» Ф. Ницше, на столетие вперед определивших полемику вокруг еще одного облика человека, еще одной идентичности, преодолевающей и зверское, и нынешнее убогое состояние. «Сверхчеловек» не отменяет «зверя», но модифицирует его сущность в духе ницшеанского образа «смеющегося льва», злого и бесстрашного, нового Бога, взамен отсутствующего и умершего. Ницше была близка идея взаимопроникновения полов в человеке: «нечто схожее с отно-

шением обоих полов друг к другу есть и в отдельном человеке, именно отношение воли и интеллекта (или, как говорят, сердца и головы) – это суть мужчины и женщины; между ними дело идет всегда о любви, зачатии, беременности. И заметьте: сердце здесь мужчина, а голова – женщина» [4, с. 730].

Последнее замечание особенно знаменательно, ибо в нем содержится некий ключ к конгианским архетипам анимы и анимуса, как еще одной теоретической модификации облика человека и его символической жизни, не поддающейся диктату разума. Человек, находящийся во власти страстей, попадает, по К. Юнгу, под удар и эпохи, и власти и вынужден искать выход в каком-то ином измерении мира и себя самого.

Эта тема становится одной из ведущих в творчестве отечественных гениев Серебряного века русской культуры, которые и сами практиковали некие формы андрогинного поведения и пытались увязать их с мистикой православного понимания. Несколько лет назад нами была сделана попытка анализа истории и современного состояния феномена андрогенной идентичности русского человека [2, с. 52]. В те годы это выглядело несколько экзотично, но последующая история показала, что затронутая проблема – не плод воображения автора, а реальная коллизия общественной жизни, получившая ряд неоднозначных юридических оценок и вызывающая бурные дискуссии на соответствующих сайтах. Ключевой вопрос – насколько данная идентичность природна, социальна, моральна, какое отношение она имеет к духовности нашего общества и его культурно-цивилизационным характеристикам? Прежде всего, речь идет об идентитете самого себя, осознании своих глубинных, сущностных особенностей, затем о нахождении Другого и, соответственно, групповой идентичности, а после о включении в историческую и цивилизационную идентичность, в преемственность поколений, в поиски своих «предков» по этой линии и способов их сосуществования с обществом. Конечной целью идентитета является преодоление онтологического одиночества и нахождение новых смыслов жизнедеятельности, обретение самого себя, своей уникальности и, соответственно, новых стимулов для жизни.

В этом смысле современная ситуация в российском обществе создает впечатление кризиса не только особых видов идентичности (как андрогинность и вообще квир), но и в более широком смысле слова, известную хаотизацию общественного сознания с потерей ценностей и целостности и неспособностью

найти «срединный путь» между крайностями. Об этом писали многие авторы (Н.Г. Козин, Л.Г. Королева, К.А. Свасьян, О.Н. Нурмамбетова и другие), придя подчас к выводам о том, что в «лабиринте идентичностей» легко заблудиться, что по большому счету никто никому не подобен и не идентичен, и это создает потенциальную угрозу развитию нашей цивилизации и ее положению в современном мире. Крайним выражением таких взглядов является концепция, которая вообще отрицает необходимость какой-либо идентичности в современном обществе, где все ежесекундно меняется. Социологи констатируют нарастание фобических настроений по поводу всех видов нетрадиционной идентичности и соответствующего поведения их носителей, становящихся очередными «козлами отпущения» во всех проблемах современной России. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации данных конкретно-социологических исследований современного молодежного сознания, а также содержательный анализ философских аспектов этой проблемы [3, с. 95]. В чем причины такого положения? Среди ряда гипотез, имеющих объяснительную ценность, привлекает мысль о прямой причинно-следственной связи неопределенной и проблемной пологендерной идентичности и интенсивностью фобических настроений и переживаний. Чем меньше человек уверен в своем идентификационном выборе, тем больше он подвержен сомнениям и страхам относительно «покушений» разных сообществ и индивидов на его полоролевой статус. Квиروفобия уходит корнями в ситуации неопределенности, связанные с явным недостатком личностного начала и соответствующего выбора, что в свою очередь порождает конформистские настроения. Установка «быть как большинство», «быть как славные предки» на первый взгляд и привлекательна и гарантирует «нормальность» полоролевого поведения и его оценки в обществе. Все квір практики полагаются как извращения, патология, пожизненная метка, характеризующая людей, в лучшем случае, второго сорта, а потенциально как «нелюдей», подлежащих изоляции как физической, так и информационной. В принципе эта модель давно известна человечеству, которое не так давно полагало, что порочные люди буквально заражают своими «флюидами», особенно пагубными для неокрепшей психики. Причинность при этом трактуется в лапласовском духе как чисто внешнее воздействие одного тела на другое.

Противоположная точка зрения исходит из признания ведущей и определяющей роли собственных, внутренних потенций личности любого чело-

века, развертывающихся в разной социальной среде под воздействием как эндогенных, так и экзогенных факторов. Их взаимодействие далеко не всегда гармонично, о чем свидетельствует опыт изучения феномена сексуального маньяка, которые долгие годы выглядели вполне «нормально» с общепринятой точки зрения. Разумеется, обществу проще предложить и поставить все более жесткие внешние ограничительные меры, которые по идее смогут если не исключить, то минимизировать подобные риски. При этом имплицитно полагается, что все иные способы проникнуть в порочную идентичность и ее корректировать малоэффективны, а человечество в целом постепенно сходит с ума, что выдвигает для обсуждения идею о признании таких персонажей особой социальной группой. Бурно идущий процесс «цифровизации» человека только добавляет новые аспекты в обостряющуюся проблему идентичности, выдвигая такие проблемы как полоролевая идентичность роботов и сексуальные практики с ними и между ними. Для России это пока не очень актуально, но как свидетельствует история, возможность довольно быстро превращается в действительность, а теоретическая мысль по этому поводу, как правило, отстает.

Некий общий знаменатель для правильной постановки этих проблем и поиске путей их решения, как мы полагаем, может быть усмотрен в стремлении к достижению или восстановлению утраченной целостности человека в его пологендерных характеристиках на основе образа Андрогина, что имеет глубокие корни как в мировой, так и в отечественной культуре и ментальности. Это не означает достижения идеала человеческой идентичности, но обозначает один из возможных вариантов этого процесса.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аристотель*. Никомахова этика. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Изд-во Мысль, 1984.
2. *Жаров Л.В.* Андрогенная идентичность русского человека: реалии и раздумья. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2010.
3. *Любимова Н.* [Электронный ресурс]. URL: <https://ridero.ru/books/filosofii-aseksualnosti> (дата обращения 04.11.2018).
4. *Ницше Ф.* Злая мудрость. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.

R E F E R E N C E S

1. *Aristotle*. Ethics at Nicomachus. Collected works (4 Volumes). Book 4. Moscow, 1984.
2. *Zharov L.V.* Androgynous identity of the Russian: realities and considerations. Rostov-on-Don, 2010.
3. *Lyubinova N.* <https://rideroru/books/filosofiasexualnosti> (Accessed 04.11.201).
4. *Nietzsche F.* Evil wisdom. Collected works (2 Volumes). Book 1. Moscow, 1990.

21 января 2019 г.
